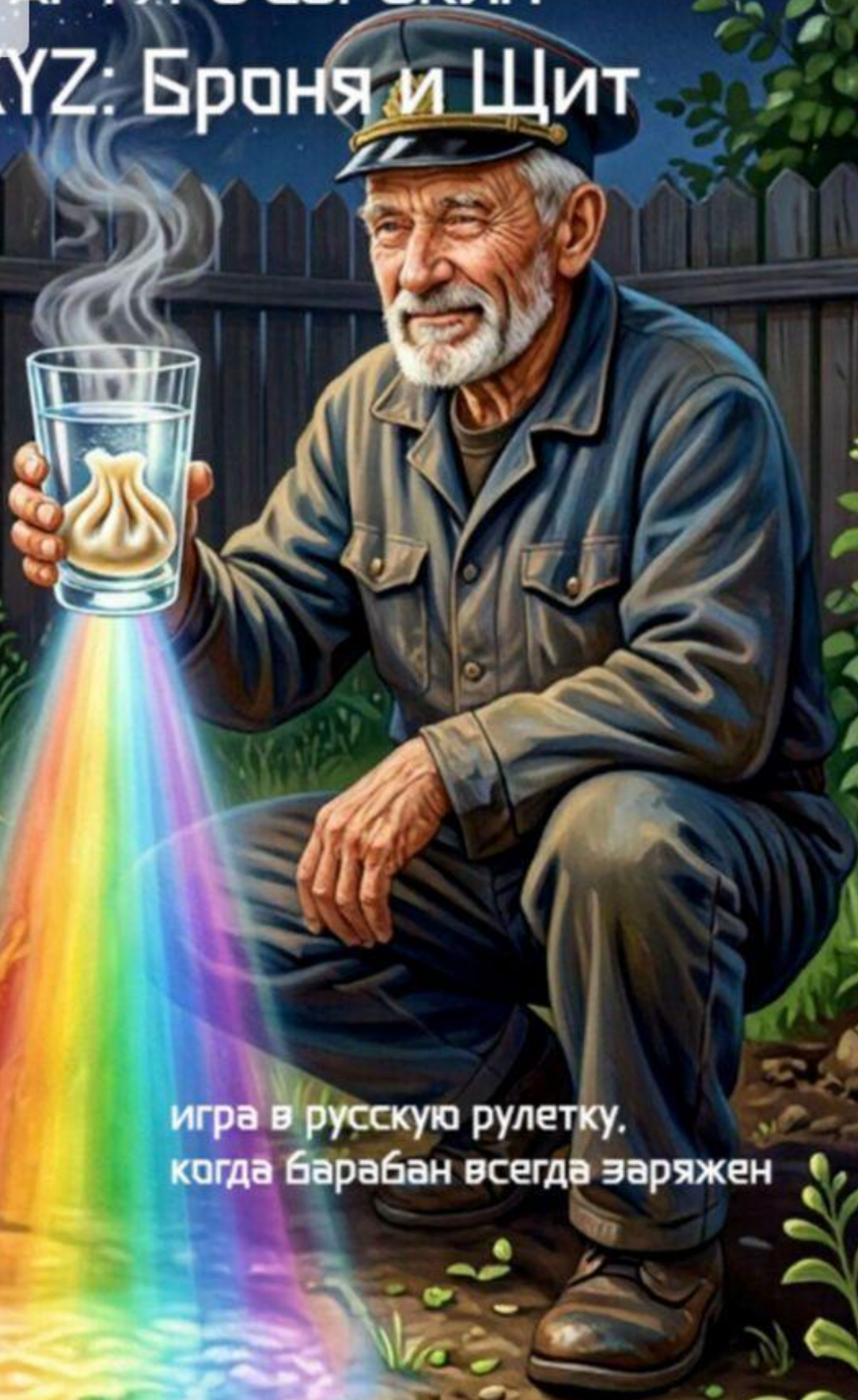

18+

АРТУРО СОРОКИН

XYZ: Броня и Щит

игра в русскую рулетку.
когда барабан всегда заряжен

Артуро Сорокин

**2XYZ: Броня и Щит. Игра
в русскую рулетку, когда
барабан всегда заряжен**

«Издательские решения»

Сорокин А. М.

2XYZ: Броня и Щит. Игра в русскую рулетку, когда барабан всегда заряжен / А. М. Сорокин — «Издательские решения»,

В мире, где технологии достигли пика, старик-садовник Иван Петрович ведет тихую жизнь в своем огороде. Вместе с ним — целая страна, где порядок и хаос становятся ключом к свободе против инопланетного господства. Это книга для тех, кто ищет философию в художественной обёртке. Если вас интересуют глубокие размышления о свободе, выборе и жизни среди противоречий — добро пожаловать в мир, где пельмени меняют вселенную, а русская неопределённость — последняя надежда человечества!

© Сорокин А. М.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Пролог: Студент и Дачник	6
Глава 2: Маэстро бюрократии	10
Глава 3. Архивариус	13
Глава 4. Архитектор порядка	17
Глава 5. Бумажный Тигр	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

2XYZ: Броня и Щит Игра в русскую рулетку, когда барабан всегда заряжен

Артуго Максимович Сорокин

© Артуго Максимович Сорокин, 2026

ISBN 978-5-0070-3799-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Пролог: Студент и Дачник

Глобгабгийская научная станция «Тихий Омут» вращалась на орбите Земли уже третий стандартный цикл. Для её обитателей — моллюскоподобных существ, чей культурный код строился на вечном празднике и водных горках — Земля была досадной аномалией. Карантинная зона №7. Место, где разумные формы жизни добровольно отказались от вселенского кайфа в пользу странных, ритуальных действий с чаем, пельменями и бесконечными согласованиями.

Но для студента-антрополога Зигфрида (для друзей — просто Зига) Земля была Святым Граалем. Его дипломная работа, «Культурно-антропологический анализ пост-материальной эпохи гуманоидов», висела на волоске. Сухие факты из отчетов Галактического Совета не передавали главного — души. А душа, как подозревал Зигфрид, не поддавалась оцифровке.

— Зигфрид, — проскрипел голос профессора К'плюка по внутренней связи. Он звучал так, будто кто-то мял лист фольги. — Ваш анализ «русской бюрократии» признан несостоятельным. Фраза «Они защищаются папками» — это не наука. Это... поэзия.

Зигфрид поправил очки, сползающие с его студенистой головы. — Профессор, но я прав! Я чувствую: за этим стоит нечто большее! Мне нужен первоисточник! Живой свидетель!

Профессор издал звук сдувающегося шарика. — Живые свидетели? Вы в своем уме? Им по двести лет! Они... они же... *древние*. — Именно! — воскликнул Зигфрид. — Мне нужен Иван Петрович!

Спускаемый модуль был готов. Но прежде, чем нырнуть в атмосферу, Зигфрид, повинаясь интуиции исследователя, задал автопилоту новую задачу: **«Облет планеты. Низкая орбита. Сканирование основных континентов»**. Он хотел увидеть этот мир не через фильтры статистики, а своими глазами (всеми тремя).

Модуль бесшумно скользил над голубым шаром. Внизу проплывали континенты, и нейро-сканер Зигфрида автоматически накладывал на пейзаж аналитические слои.

Сканер подсветил западную часть евразийского континента мягким, пастельным светом. *«Статус: «Культурно-исторический заповедник. Риск: умеренный (скука)».*

Европа окончательно превратилась в гигантский луна-парк для ностальгирующих туристов. Здесь больше ничего не производили, кроме «аутентичности». Люди с блаженными улыбками водили экскурсии по развалинам древних замков, которые никто не восстанавливал, потому что «руины — это стильно». На улицах Праги художники рисовали акварелью виды Карлова моста, макая кисти в тубики с краской — технология, которую остальной мир считал моветоном еще несколько веков назад.

Главный материальный экспортный товар континента — «натуральное вино». Инопланетные гурманы платили бешеные деньги за ферментированный виноградный сок, утверждая, что он «обладает уникальной органической вибрацией». Зигфрид поморщился: его сенсоры показывали в бокале «Бордо 2184» зашкаливающий уровень гистаминов и этилового спирта.

Но главным культурным феноменом был мем года, созданный нейросетью: *«Кентавр в очереди за багетом»*. Картинка была настолько нелепой и гармоничной одновременно, что вызвала эпидемию «квантового хихиканья» у трех рас Глобгабии. Европейцы же воспринимали это как высокое искусство пост-материализма.

Сводка по Азии мигала неоновыми, агрессивными цветами. *Статус: «Зона виртуального эскапизма. Риск: потеря связи с реальностью».*

Здесь люди не жили — они потребляли контент. Города превратились в серверные фермы с жилыми модулями, похожими на соты. Выходить на улицу считалось признаком дурного тона

и социальной неловкости. Зачем идти в парк, если можно загрузить симуляцию прогулки по квантовым садам Титана с полным эффектом присутствия и запахом озона?

Азиатский блок был мировым лидером по производству виртуальных миров и нейроинтерфейсов. Их главной философией был «цифровой дзен» — состояние полного слияния с алгоритмом, когда пользователь переставал отличать свои желания от рекламных вставок. Зигфрид видел статистику: средний житель Сеула проводил в симуляции 22 часа в сутки. Оставшиеся два часа уходили на синтез питательной пасты и гигиенические процедуры.

Америка на сканере выглядела как хаотичное нагромождение ярких логотипов и постоянно меняющихся ценников. *Статус*: «Глобальный маркетплейс идентичностей. Риск: экзистенциальный кризис».

Смыслом жизни здесь была упаковка и продажа смыслов. Стартапы предлагали «эмоции в бутылках»: «Чистая радость», «Ностальгия по будущему», «Легкая грусть с нотками лаванды». Можно было купить «подписочный пакет индивидуальности»: за ежемесячную плату алгоритм подбирал тебе хобби, политические взгляды и стиль одежды, чтобы ты всегда был в тренде.

Здесь верили не в бога или науку, а в бренд. Продукт был вторичен. Главное — это история, которая его продает. Зигфрид читал их рекламные слоганы: «Купи эти кроссовки и стань частью великого пути! Пути куда? Неважно! Главное — ты идешь!». Логика была непостижима, но маркетинговые отчеты показывали рекордную прибыль.

А вот Россия... Россия была просто черным пятном с надписью: «Данные не поддаются анализу. Ошибка системы». Единственная страна, сохранившая армию как символ. Единственная страна, где люди все еще спорили о политике на кухнях, хотя кухни теперь были оснащены синтезаторами материи. Но все равно по выходным дачники ездили за город копать картошку.

Для инопланетных аналитиков это выглядело как критический баг в программном коде вселенной. Зачем поддерживать рудиментарный институт насилия в мире бесплатной материи? Зачем выбирать сложный путь, когда есть простой? Ответа не было.

Зигфрид понял: сухие отчеты были правы в одном. Душу через сканер не увидишь. Ее нужно искать здесь, в дачном кооперативе Подмосковья.

Спускаемый модуль шлепнулся в подмосковный глинозём. Воздух пах озоном, мокрой землей и чем-то неуловимо вкусным — запахом, который синтезаторы так и не научились воспроизводить.

Зигфрид подошел к забору из сетки-рабицы. Посреди сада стоял немолодой человек. Он был одет в старые тренировочные штаны с вытянутыми коленями и выцветшую тельняшку. На голове — кепка-восьмиклинка. В одной руке он держал шланг (из которого капала вода), в другой — надкушенный огурец.

Человек медленно повернул голову. Взгляд был тяжелым, оценивающим и абсолютно спокойным. — Ну? — спросил он, не выпуская огурец изо рта.

Зигфрид активировал переводчик. — Э-э-э... Здравствуйте. Вы... Иван Петрович?

Человек выплюнул огуречную попку, вытер рот тыльной стороной ладони и кивнул. — Ну я. А ты кто такой? С Мособлгаза, что ли? Опять счетчики менять? Так у меня всё по-старому, я по квитанции плачу.

Зигфрид замотал головой так активно, что его щупальца на затылке пришли в движение. — Нет-нет! Я исследователь! С Глобгабии! Я прилетел изучать историю Земли!

Иван Петрович прищурился. — С Глоб... как её? А-а-а, моллюски эти? Которые на водных горках катаются? — Да-да! — Ну проходи, раз так. Только калоши надень, там у крыльца лежат. А то наследишь мне тут своими... присосками.

Через пять минут Зигфрид сидел на веранде. Перед ним стояла эмалированная кружка с чаем (от неё шел пар) и лежала горка сушек. Иван Петрович сел напротив, закинул ногу на ногу и хитро улыбнулся. — Ну что, студент... как тебя там... Зигмунд? — Зигфрид... — Один хрен. С чем пожаловал-то? Про пельмени хочешь узнать?

Зигфрид чуть не поперхнулся чаем. — П-пельмени? Да! И про пельмени тоже! Но главное — про то время! Про президента Козлова! Про Зелиновского! Про войну!

Иван Петрович взял сушку и с хрустом макнул её в чай. Зигфрид в ужасе следил за этим варварством, его нейро-сканеры зашкаливали от культурного шока. — Война — это дело такое... — философски изрек дачник, отхлебывая чай из блюдца (Зигфрид лихорадочно записывал: *«Ритуал социального сближения через совместное нарушение пищевых норм»*). — Война — это вам не это вот всё... (он обвел рукой сад). Война — это когда ставки высокие.

Он наклонился вперед и заговорщически понизил голос: — Ты вот думаешь, я просто так тут огурцы выращиваю? Нет, братец ты мой щупальцеголовый. Я тут историю охраняю. И память... Ты вот спрашиваешь про Козлова... Виктор Сергееч — это тебе не просто президент был. Это был... *мастер*. Он такие комбинации закручивал — у инопланетян мозги кипели.

Зигфрид включил диктофон. — Расскажите! Расскажите с самого начала!

Иван Петрович откинулся на спинку стула и закурил самокрутку. — Ну слушай тогда...

К началу 2хуз года человечество окончательно убедилось: воевать за ресурсы — всё равно что спорить за последний бесплатный Wi-Fi в раю. Синтезаторы материи, эти вездесущие «ящики», установленные в каждой квартире, офисе и даже в покосившейся дачной будке, выдавали всё. Буквально всё. Любой предмет, любая еда, любой гаджет формировались прямо из воздуха, стоило только подумать об этом или шепнуть команду голосовому помощнику, который к тому времени научился отличать искреннее желание от случайной мысли.

Войны за землю, нефть, воду и даже редкие металлы стали бессмысленны и смешны. Материя была доступна в неограниченном количестве. Казалось бы, вот он — рай на заказ.

Однако исчезновение материальных конфликтов не привело к утопии. Оно лишь обнажило человеческую природу во всей её красе. Как только желудок перестал быть проблемой, мозг тут же нашёл новые поводы для раздоров. Теперь государства конкурировали не за ресурсы, а за **умы, настроения, смыслы и культурное влияние**. Политика превратилась в бесконечный нейросетевой баттл мемов, идеологий и брендов. Физические границы между странами стирались на картах, но на их месте возникали новые — информационные, эмоциональные, эстетические.

Для Галактики мы были «лабораторными мышами», которые научились строить ракеты. Но мыши не ведут переговоров. Контакт стал возможен лишь тогда, когда мы доказали свою разумность не технологиями, а **поведением**. Когда мы показали, что способны **решать конфликты за столом переговоров**, а не на поле боя, нас наконец сочли достойными внимания.

Бюрократы Галактики обновили досье: «Вид: Homo Sapiens. Статус: условно-разумные, склонные к диалогу». И в тот же день на орбите появились два корабля. Им предстояло выяснить, как долго мы продержимся без желания пострелять.

С одной стороны — «Вечеринка», флагман Глобгабгии. Это была цивилизация разумных моллюсков, обожающих водные аттракционы, караоке и масштабные межзвёздные вечеринки с квантовыми спецэффектами. Их культура строилась на гедонизме, импровизации и абсолютной свободе самовыражения. Для них война была понятием настолько же скучным и устаревшим, как для современного человека — охота на мамонта с каменным копьём. Любой конфликт они предлагали решить хорошей дискотекой и коктейлем с плавающим зонтиком.

С другой — «Дисциплина», флагман Ханзахании. Здесь царили существа с прочными хитиновыми панцирями, железной иерархией и культом ритуальной чистоты. Их общество напоминало гигантский, идеально смазанный муравейник, где каждый знал своё место, а любое

отступление от протокола считалось преступлением против вселенского порядка. Их девиз мог бы быть: «Чистота — залог выживания».

Обе империи считали себя носителями высшей истины и активно лоббировали политику полной демилитаризации Земли. Почти все страны Земли быстро согласились с требованиями инопланетян. Логика была проста: зачем содержать дорогую игрушку для взрослых мальчиков, если синтезатор может напечатать тебе танк для коллекции или винтовку для косплея?

Но Россия осталась исключением. Для русских армия всегда была не просто инструментом войны, а частью культурного кода, источником независимости и исторической памяти. Даже в эпоху синтезаторов и космических колоний идея «распустить армию» воспринималась как национальное предательство, как попытка отнять у человека право на подвиг или хотя бы на героическую позу перед зеркалом в парадном кителе.

Президент Виктор Козлов стал живым воплощением этого парадокса...

Глава 2: Маэстро бюрократии

Козлов был мастером политического выживания, человеком с лицом вечного завхоза и взглядом человека, который видел все возможные варианты развития событий — и ко всем подготовил папку с отчётом. Козлов торговался с инопланетянами так, будто продавал дачу на Рублёвке: долго, обстоятельно, с паузами на чай и обязательным упоминанием «технических сложностей».

— Господа инопланетяне, — говорил он на очередных переговорах, глядя в планшет с бесконечными таблицами. — Вы хотите нашу армию? А вы пробовали когда-нибудь согласовать перепланировку в московской пятиэтажке? Вот то-то же. У нас тут свои обычаи.

Козлов не был ни ястребом, ни голубем. Он был бюрократом до мозга костей. Его сила заключалась не в харизме или ораторском мастерстве, а в умении превращать любое решение в многостраничный документ с десятком согласующих подписей. Российские элиты потихоньку распродавали вооружение, но формально страна оставалась последней милитаризованной державой Земли.

Переговорная в Кремле напоминала декорацию к несостоявшейся пьесе о конце света. Длинный стол из карельской берёзы, отполированный до зеркального блеска, отражал низкие, тяжёлые люстры. На столе стоял один-единственный термос с чаем, вазочка с сушками и лежала пухлая папка с документами, прошитая суровой нитью. За столом сидел только один человек.

Виктор Сергеевич Козлов не выглядел президентом сверхдержавы. Он выглядел завхозом, который вот-вот начнёт сверять наличие ложек в столовой. Его старомодный костюм сидел на нём чуть мешковато, а взгляд человека, видевшего все возможные варианты развития событий, был устремлён на двух существ по ту сторону стола.

Слева, переливаясь всеми цветами побежалости, колыхался Глобгабгийский посол. Его студенистое тело было втиснуто в плавки — обязательный атрибут дипломатического протокола его расы. Справа, неподвижный, как изваяние из тёмного обсидиана, восседал Ханзаханский посол. Его хитиновый панцирь тускло поблёскивал в свете ламп.

— Уважаемый господин Козлов! — голос Глобгабгийца был похож на бульканье кипящего киселя. — Ваша армия — это атавизм! Примитивный рудимент агрессивного прошлого! Мы предлагаем честный обмен: вы распускаете войска, а мы дарим вам лицензию на вечный абонемент в Межгалактический аквапарк «Водоворот Бесконечности»! Представляете? Горки длиной в световой год!

Козлов медленно поднял взгляд от бумаг. В его глазах не было ни удивления, ни гнева — лишь вековая усталость человека, которому принесли документы не по форме. — Очень интересно, — тихо произнёс он, и в наступившей тишине его голос прозвучал как приговор. — А у вас есть справка о соответствии купальных костюмов нормам СанПиН? И протокол дезинфекции водной среды после каждого посетителя? И ещё... у нас в России принято пить чай с лимоном. Натуральным. У вас есть сертификат на импорт цитрусовых?

Посол колебался. Его тело пошло радужными пятнами нервозности. — Э-э.. мы можем синтезировать лимон прямо здесь. По молекулярной структуре. Идеальный продукт.

Козлов покачал головой с той непреклонностью, с какой отрубают больной орган. — Синтезированный лимон не считается, — отрезал он. — Нужен натуральный. С фермы. С печатью ветконтроля. И чтобы на упаковке было написано по-русски, без ошибок.

Ханзаханец издал сухой, скрежещущий звук — так его раса выражала крайнюю степень нетерпения. — Господин президент, — проскрежетал он, и каждое слово падало на стол, словно свинцовая гиря. — Ваше промедление подрывает основы галактической безопасности. Мы требуем немедленного подписания указа о демилитаризации.

Козлов открыл папку. Листы бумаги зашуршали — единственный живой звук в этом стерильном зале. — Немедленно не получится, — сказал он, и в его голосе прозвучала сталь, закалённая в тысячах кабинетов и коридоров власти. — Вот тут у меня замечание от Министерства культуры: слово «демилитаризация» не имеет утверждённого перевода на старославянский. А без этого мы не можем принять документ к рассмотрению согласно протоколу сохранения лингвистического наследия. И ещё... у нас тут по регламенту положено три дня на общественное обсуждение. В форме комментариев на портале «Госуслуги. Галактика».

Послы переглянулись. — Но это же займёт вечность!

Козлов позволил себе лёгкую, едва заметную улыбку. Это была улыбка не победителя, а человека, который только что выиграл партию в бесконечные шахматы. — В России вечность — это не срок, — сказал он, закрывая папку с мягким хлопком, который прозвучал как точка в споре. — Вечность — это стиль работы.

Внутри страны жизнь текла своим чередом. В каждой квартире стоял синтезатор, который формовал всё необходимое быстрее, чем человек успевал сформулировать желание. Люди больше не ходили в магазины — они заказывали «что-нибудь вкусненькое» или «новый диван в стиле ретро», и через минуту предмет появлялся в комнате.

Армия осталась. Она не исчезла, не растворилась в небытии, а словно застыла в янтаре времени, превратившись в нечто совершенно иное. Это был уже не инструмент войны, а скорее элитный клуб по интересам, национальный музей под открытым небом и, пожалуй, самый дорогой в мире клуб исторической реконструкции. Солдаты больше не смотрели в прицелы винтовок — они полировали до зеркального блеска сапоги, маршировали на парадах, охраняли памятники былой славы и с энтузиазмом участвовали в фестивалях «Реконструкция Бородино: Версия 2.0».

В Кремле, в кабинете, где на стенах висели карты мира, ставшие скорее элементом декора, чем рабочим инструментом, президент Виктор Козлов проводил свои ежедневные совещания. Обсуждались здесь не столько военные угрозы (какие угрозы, если танки теперь печатают на 3D-принтерах?), сколько вопросы куда более тонкие и важные: «сохранение культурного кода», «поддержание традиций» и «оптимизация документооборота в условиях постматериальной экономики».

Кабинет был завален папками. Они высились на столе шаткими башнями, громоздились на стульях и даже лежали стопкой на подоконнике. На столе, среди этого бумажного архипелага, стоял неизменный термос с чаем. А на стене, прямо над креслом президента, висел огромный портрет Петра I. Император смотрел сурово и мудро, а внизу красовалась табличка с цитатой, выгравированной каллиграфическим шрифтом: *«Главное — не победа, а правильно оформленная документация»*.

Именно эту мысль Козлов любил повторять на закрытых встречах с министрами и иностранными послами. — Армия — это не про войну, — говорил он, поправляя очки и глядя поверх чашки с чаем. — Армия — это про порядок. А порядок у нас... начинается с подписи в правом верхнем углу.

Россия оставалась особенной. Она обменивала своё покровительство на умы и настроения граждан других стран, оставаясь самым непростым переговорщиком для инопланетян. Окончательный отказ от армии означал бы не просто потерю суверенитета — это был бы конец русской цивилизации в её привычном виде.

Козлов не верил в быстрые перемены и считал любую реформу поводом для написания отчёта. Его главная сила — умение тянуть время. Пока инопланетяне требовали немедленных действий, он запускал процедуру согласования, требовал дополнительные справки и отправлял запросы в региональные министерства.

В глазах народа он был не героем и не злодеем, а неизбежностью — как зима или налоговая проверка. Но именно эта бюрократическая неповоротливость и стала главным щитом России в эпоху галактических перемен.

Так начиналась новая эпоха: эпоха парадоксов, где материя была бесплатной, а армия — дорогим хобби; где инопланетяне требовали мира, а люди защищались папками и подписями; где президент варил чай и подписывал указы, от которых зависела судьба всей планеты.

Иван Петрович сделал глубокую затяжку, выпустил колечко дыма, которое, попав в луч солнца, на мгновение стало похоже на миниатюрную галактику, и продолжил, глядя куда-то вдаль, словно видел там призраков прошлого.

— Ну так вот. Прилетают эти... Ханзаханцы. Важные такие, в панцирях. «Демилитаризация», говорят. А Козлов им чай наливает. С лимоном. Натуральным. Не то что ваше... синтезированное пойло.

Зигфрид, сидевший напротив с открытым блокнотом (он всё ещё не доверял цифровым носителям рядом с таким источником хаоса), быстро строчил. — Постойте, Иван Петрович. Вы сказали «демилитаризация»? Но как же так? Ведь до этого момента человечество воевало тысячами! Что изменилось?

Дачник посмотрел на студента с жалостью, как на неразумное дитя. — Эх, молодёжь... Всё вам разжёвывать надо. Изменилось то, что материя стала бесплатной. Вот ты, Зигмунд, можешь мне объяснить, зачем воевать за нефть, если у тебя в прихожей стоит ящик, который тебе эту нефть напечатает? Да хоть цистерну.

Зигфрид моргнул всеми тремя глазами. — Синтезаторы материи? — Ага, они самые. «Синтезаторы», — передразнил Иван Петрович инопланетный термин. — У нас их просто «ящиками» звали. Поставишь такой дома — и горя не знаешь. Захотел диван — вот тебе диван. Захотел борща с мозговой косточкой — вот тебе борщ. Даже косточка настоящая была, не чета вашей химии.

Он встал, подошел к старому, покосившемуся сараю и с кряхтением открыл скрипучую дверь. Внутри, среди ржавых лопат и пыльных банок с вареньем, стоял он. Синтезатор. Модель «Вятка-3000», покрытый толстым слоем пыли и паутины.

— Вот он, красавец. — Иван Петрович ласково похлопал прибор по корпусу.

Зигфрид осторожно приблизился к артефакту. — Но если у всех всё было... Зачем тогда нужна была армия? Вы же сами сказали, что Козлов торговался за неё.

Иван Петрович хитро прищурился и погрозил студенту пальцем. — А вот тут, Зигмунд, и начинается самое интересное. Армия — она ж не про ресурсы была. Армия — она про душу.

Он вернулся к столу и снова сел, наливая себе свежего чаю из пузатого самовара (который, к слову, тоже был синтезирован лет пятьдесят назад). — Понимаешь, студент... Когда у тебя есть всё, что пожелаешь, когда еда сама лезет в рот, а одежда сама на тебя надевается... Человеку становится скучно. Теряется смысл. А армия — это порядок. Это дисциплина. Это когда сапоги должны блестеть не потому, что они грязные, а чтобы служба мёдом не казалась.

Зигфрид записал: *«Армия как культурный код и инструмент борьбы со скукой в пост-материальном обществе».*

— Но Козлов... Он же не просто так за неё держался, — Петрович понизил голос до шёпота, словно делясь государственной тайной. — Ты пойми его логику, студент. Он же из другого времени пришёл. Из времени, когда покупали вещи, чтобы заявить свой статус. Иначе не объяснишь, почему он стал таким. Сейчас буду тебе историю его жизни рассказывать...

Глава 3. Архивариус

История Виктора Сергеевича Козлова — это не история политика, взобравшегося на вершину власти. Это история человека, который нашел убежище в бумаге, когда мир вокруг него начал неумолимо превращаться в стерильный, бездушный алгоритм.

Его детство прошло не в очередях за товарами, а в мире демонстративного потребления и цифрового тщеславия. Эпоха, когда твой статус определялся не тем, что у тебя есть, а тем, что ты можешь показать в сети. Но Витя Козлов рос в семье, где логика спорила с лирикой, а денег на «статус» хронически не хватало.

Отец, инженер на госкорпорации, верил в стабильность и силу формул. Мать, бывший преподаватель литературы, до конца дней хранила верность выцветшим томикам Ахматовой и ворчала на «новояз» тиктокеров. Они были людьми культуры, но не того сорта, который котируется в новой реальности. Его мир рухнул не из-за плохих оценок, в школе Витя был отличником.

В десятом классе Витя влюбился. Объект его воздыханий, девочка с идеальной укладкой и профилем «Премиум», сидела через два ряда от него. Он решился. Он хотел пригласить её на школьный бал. Но его «Социальный профиль» горел тусклой оранжевой меткой «Базовый».

Система просто не позволила ему отправить ей приглашение. Алгоритм вежливо, но непреклонно выдал ошибку: *«Несоответствие статусов. Риск социального диссонанса. Запрос отклонен»*.

Это был момент истины, холодный душ из цифрового душа. Он понял ужасную правду: в новом мире тебя судят не по делам, не по уму и даже не по красоте души. Тебя судят по **цифре**. Ты либо единица в идеальной системе, либо ошибка, которую нужно исправить или удалить. Переговоры невозможны. Договориться нельзя. Есть только протокол.

Витя возненавидел эту бездушную справедливость.

В мире, где интернет фильтровался так тщательно, что даже мемы проходили через тройной досмотр идеологической чистоты; где за «неправильный» лайк или комментарий, не одобренный нейросетью-модератором, можно было получить вполне реальный срок исправительных работ; где любое решение — от штрафа за превышение скорости до запрета на выезд за границу — принималось мгновенно и бездушно нажатием виртуальной кнопки «ОК»... в этом мире бумажный документ стал последним островком человечности.

В эпоху цифрового концлагеря спасением оказалась **бумага**. Медленная, неповоротливая, способная потеряться, истлеть, быть залитой кофе. Бумага, которую можно было скомкать, на которой можно было поставить кляксу или неразборчивую закорючку.

Бумага — это право на апелляцию. Цифра безапелляционна. Бумага — нет.

Бюрократия — это когда нет места мгновенному приговору алгоритма. Есть только регламент, три дня на рассмотрение и возможность потерять запрос в недрах другого департамента. Это была не неэффективность. Это была **свобода**.

Подпись — это ответственность живого человека, а не безликой нейросети. Подпись можно подделать, можно оспорить, можно уговорить человека передумать. Алгоритм не уговоришь.

Для молодого Козлова папка с документами перестала быть просто канцелярской принадлежностью. Она стала щитом. Символом права быть услышанным. Чиновник с печатью в этом новом мире был не просто винтиком системы. Он был последним барьером между маленьким человеком и бездушной машиной государственного контроля.

И Козлов поверил в эту странную, парадоксальную истину: если прописать правила игры достаточно сложно, муторно и запутанно; если создать лабиринт из согласований, подписей

и архивных справок — то обойти эту систему с помощью простого цифрового взлома станет невозможно. Цифровой гений упрется в стену из гербовой бумаги и чернильных штампов.

Он не боролся с системой. Он **строил систему внутри системы**. Свой собственный, медленный, аналоговый мир. Мир, где ещё было место для ошибки. А значит — для человека.

Семья смотрела на его одержимость с тихим, обреченным непониманием. Для них его борьба была не крестовым походом за человечность, а формой тихого, бюрократического безумия.

Отец, Сергей Андреевич, всю жизнь проработавший инженером на оборонном заводе, был человеком конкретики. Он верил в силу формул и сопротивление материалов. — Витя, — говорил он вечерами на кухне, помешивая ложечкой чай с лимоном (настоящим, не синтезированным), — ты борешься с ветряными мельницами. Ты мог бы писать код для этих систем и менять их изнутри! Быть архитектором, а не архивной крысой.

Козлов только молча качал головой. Он знал то, чего не мог понять отец-рационалист: менять систему изнутри — значит стать её частью. Стать частью стерильного кода. А он хотел быть противовесом. Трением. Песчинкой в отлаженном механизме.

Мать, Елена Петровна, филолог по образованию, вздыхала ещё печальнее. Она видела в его любви к бумагам не логику, а бегство. — Ты похоронил себя под этими папками, Витенька, — говорила она, протирая пыль с корешков своих любимых книг. — Там же нет жизни. Там только тлен и запах старой бумаги. Ты прячешься от мира, который тебя пугает.

И в этом она была права. Он действительно прятался. В упорядоченном хаосе архивов было безопаснее, чем в непредсказуемом мире живых людей.

Личная жизнь Виктора Сергеевича стала первой и самой главной жертвой его философии. Брак, продлившийся пять лет, рухнул под тяжестью его архива. Жена, яркая и живая женщина по имени Ирина, не выдержала конкуренции с его «первой и единственной любовью».

Она не устраивала скандалов с битьем посуды (синтезированная посуда не бьется). Она просто ушла. Тихо, оставив после себя лишь пустые полки в шкафу и записку на кухонном столе.

Это было единственное письмо, которое Козлов хранил не в папке, а в ящике своего рабочего стола. Записка была написана от руки, на вырванном из блокнота листке в клеточку. Почерк был торопливым и немного нервным.

«Витя, я устала быть приложением к твоей папке №7. Я хочу быть человеком. Я хочу жить, а не проходить процедуру согласования на каждый вздох. В твоём мире нет места для случайностей, для жизни. Прощай».

Он не винил её. Глядя на эти несколько строк, написанных синей пастой на дешёвой бумаге, он чувствовал не горечь, а холодное, аналитическое понимание. В каком-то смысле он даже уважал её решение. Она выбрала жизнь. Он же остался верен своей смерти — медленной, бумажной смерти бюрократии.

Он так и не женился во второй раз. Зачем? У него уже была семья. Его женой была Система, а детьми — бесконечные тома дел и папок, расставленные по алфавиту и регламенту. И он был верен ей до конца.

Политика пришла к нему не как призвание, а как неизбежность. Когда хаос цифровой анархии и вседозволенности достиг своего пика, когда нейросети начали вершить судьбы людей быстрее, чем те успевали моргнуть, вспомнили о нем. О человеке-папке. О мастере затянуть, согласовать и запутать.

Когда Виктора Сергеевича призвали наводить порядок, он не стал строить новую систему. Он просто масштабировал свою личную философию до размеров страны. Его президентство стало не концом бюрократии, а её **апогеем**.

Его сила была не в харизме оратора, не в умении зажигать толпу. Его сила была в почти мистическом умении превращать любое решение — будь то реформа ЖКХ или ответ на ульти-

матум Галактического Совета — в многостраничный документ с десятком согласующих подписей, приложением в трех томах и обязательной ссылкой на устаревший ГОСТ.

Это была его «Доктрина вязкого сопротивления». Пока инопланетяне требовали немедленной демилитаризации, Козлов запускал процедуру межведомственного согласования. Пока мир требовал скорости и эффективности, он предлагал подождать три дня на общественное обсуждение на портале «Госуслуги. Галактика».

Он не боролся с будущим. Он пытался **заморозить** его в янтаре бумажного документооборота. Он строил не вертикаль власти, а **горизонталь подписей**.

В его мире Россия оставалась единственной страной во Вселенной, где ещё можно было что-то решить не через приложение с идеальным UX-дизайном, а через **разговор по душам**. Где ещё существовала магия живой подписи, поставленной перьевой ручкой, и магия печати, оставляющей фиолетовый оттиск на бланке строгой отчетности.

Он был человеком папки и ручки. И пока он сидел в своём кресле, страна жила. Медленно, неповоротливо, со скрипом, но жила. Она дышала не стерильным воздухом синхронизированных систем, а пыльным воздухом архивов и запахом свежесваренного кофе в приемных.

Но Козлов не заметил главного. Он так отчаянно строил свой бумажный бастион против цифрового хаоса, что не увидел, как за его спиной мир изменился снова. Его крепость оказалась крепостью из песка перед лицом идеального порядка... который нес уже не он.

Порядок, который он так любил, превратился в застой. А броня, которую он ковал для защиты людей, стала их клеткой.

Петрович отхлебнул чаю. — Когда всего не хватает — борись. Когда всего завались — борись с хаосом. А как бороться с хаосом? Не автоматом же! Хаос — он в головах, в бумажках, в неразберихе.

Он постучал пальцем по столу. — Вот смотри. Что такое коррупция? Это когда кто-то решает вопрос «вне системы». В обход правил. В обход очереди. В обход очереди из таких же страждущих. Козлов коррупцию ненавидел больше всего на свете.

Зигфрид удивлённо поднял взгляд от блокнота. — Ненавидел? Но ведь бюрократия — это почва для коррупции! Петрович рассмеялся, и смех его был похож на треск поленьев в печке. — Эх, Зигфрид... Ты мыслишь, как инопланетянин! Для Сергеича бюрократия была не почвой для коррупции, а **вакциной** от неё!

Он наклонился вперёд, глаза его заблестели. — Его логика была железной: если есть чёткий регламент на каждую мелочь; если есть десять подписей и три дня на общественное обсуждение; если каждый шаг прописан в трёх папках..., то где тут украсть? Где тут «договориться»? Нечего воровать! Процесс сам по себе наказание.

Бюрократия для него была не злом, а единственным известным ему способом навести порядок в мире, который сходил с ума от вседозволенности.

— Он был человеком папки и ручки, — заключил Петрович. — Пока другие пытались взломать систему или обойти её, он её... *изучал*. И понял: лучший способ управлять хаосом — это стать его частью. Стать самой медленной, самой неповоротливой шестерёнкой в этом механизме.

Он встал и подошёл к забору, глядя на бескрайние поля. — Ты думаешь, мы от армии не могли отказаться? Могли. В одну секунду. Нажали бы кнопку — и нет её. Но тогда бы мы перестали быть... нами. Мы бы стали как они все — Европа с их мемами да Азия с их курортами виртуальными. Скукота зелёная.

Он повернулся к Зигфриду: — Нет, студент. Мы выбрали быть сложными. Непредсказуемыми. Чтобы инопланетяне ломали голову: то ли мы их сейчас чаем напоим, то ли сапогом под зад дадим.

Синтезатор в сарае снова пискнул:

«Анализ завершён. Историческая достоверность подтверждена на 78%. Остальное списать на художественный вымысел и особенности национального характера».

Иван Петрович подмигнул Зигфриду: — Вот так-то вот, сынок. Записал? Ну тогда слушай дальше... Как там этого блоггера звали... Зелиновский? Вот с него-то вся каша и заварилась по-настоящему...

Глава 4. Архитектор порядка

Козлов был мастером выживания. Он верил в силу папки, в магию трёхдневного обсуждения, в бесконечную вязкость бюрократии. Зелиновский презирал эту тактику. Слабо, Виктор Сергеевич. Трусливо. Козлов тянул время. Но время было не на их стороне. Инопланетяне не уставали. Их флоты не требовали сна и чая с лимоном. Их алгоритмы работали безупречно.

«Тянуть время» — это стратегия обречённых. Это как пытаться остановить лавину, выставив перед ней шламбаум.

Ему, Зелиновскому, нужен был не шламбаум. Ему нужен был **щит**. Идеальный, безупречный, непроницаемый щит.

Он отошёл от окна и сел за свой стол — стерильную поверхность из полированного камня. Он открыл голографический интерфейс и вывел на экран модель страны. *Красные зоны* — очаги нестабильности: социальные волнения, падение рейтингов, несанкционированные «теплицы» вроде сарая Петровича. *Зелёные зоны* — центры контроля: заводы, серверы, узлы связи.

Козлов пытался латать дыры в этом полотне папками и согласованиями. Это была ошибка. Систему нельзя латать. Систему нужно **перезаписать**.

«Стерильный порядок», — прошептал он, выводя на экран первые строчки кода будущего проекта. Идеальный, математически выверенный порядок. Никаких переменных «человеческий фактор». Никаких «ошибок». Никакой свободы воли, которая может поставить под угрозу общую безопасность.

В этот момент голографическая карта страны на экране дрогнула и на мгновение сменилась другим изображением.

Это был не просто Ташкент. Это был их двор. Старый, тенистый, с высоченными чинарами, чьи листья-шайбы глухо шелестели на ветру, создавая вечную полутьму — спасение от зноя. Воздух был густым и горячим, пах пылью, разогретым асфальтом и тем самым всепроникающим запахом жареного лука и раскаленного масла с кухни тети Дины с первого этажа.

Маленький Вова сидел на скамейке в этом дворе-колодце. Он не бегал с другими детьми. Не потому, что не хотел — мама строго-настрого запретила. «Вова, сиди в тени! У тебя же мигрень от солнца!», «Вова, не пей эту воду! У тебя будет дизентерия!».

Его мир был ограничен тенью чинары и страницами книг. Он был «умным мальчиком». Единственным во дворе, кто читал не по слогам уже в пять лет. И он отчаянно, до боли в груди, хотел быть как все. Просто играть в «чижика» или «квадрат». Просто съесть грязное яблоко, упавшее с дерева. Просто быть... нормальным.

Но его нормальность была другой. Она заключалась в том, чтобы быть **лучшим**. Лучшим учеником. Самым послушным сыном. Самым правильным. Потому что быть правильным — это единственный способ стать своим.

Он был евреем из семьи депортированных. В этом дворе, в этом солнечном Ташкенте, он всегда был немного чужим. Не русским. Не узбеком. Человеком из учебника истории, который за чем-то выпал на их улицу. И он боролся за право быть русским не из ненависти к своим корням, а из **любви** к этой земле. Он хотел доказать — не другим, а себе — что он имеет право здесь быть. Что он достоин.

И самый простой способ доказать это — стать безупречным.

Он ненавидел это детство в стерильной клетке. Ненавидел **неэффективность** своего тела, которое предавало его: мигрени от солнца, гастрит от любого отклонения от диеты, давление от любого волнения. Но именно тогда, между приёмом таблеток и ингаляций, он понял главный закон вселенной: **Хаос убивает. Порядок сохраняет жизнь**.

Его тело было слабым, потому что его жизнь была хаотичной, подверженной случайностям: вирусу, сквозняку, плохому настроению врача. Его мать, со всем своим удушающим гнётом, инстинктивно пыталась защитить его от этого хаоса единственным доступным ей способом — создавая свой, маленький, домашний порядок.

Он просто масштабировал эту идею до размеров страны.

И картинка снова сменилась. Двор с чинарами исчез. Остался только холод люминесцентных ламп и запах старой бумаги. Архивы. Казённый язык отчётов, где трагедия его народа была сведена к бездушной формуле: «мероприятия по национально-гомогенизационной оптимизации». Бюрократия Козлова была не лекарством, а метастазами той же болезни. Медлительная, непредсказуемая, допускающая «человеческий фактор». Она была хаосом, замаскированным под порядок.

Но в этом умирающем хаосе он увидел не только врага. Он увидел свой путь.

Козлов был стариком у штурвала тонущего корабля, который отказывался это признавать. Его тактика «тянуть время» работала лишь потому, что враг недооценивал вязкость человеческой глупости. Но это был тупик. Козлов не мог победить — он мог только бесконечно обороняться.

Бунтовать против него? Идти на баррикады с криками о справедливости? Пытаться снести стену, которая и так рухнет под собственным весом от ветхости? Нет. Это была стратегия неудачников и романтиков, для которых важен процесс, а не результат.

Путь Зелиновского был иным. Хирургическим. Чтобы построить новое, нужно сначала получить доступ к скальпелю. А скальпель был в руках у Козлова.

Поэтому он не стал оппозиционером. Он стал **системным игроком**. Он решил стать незаменимым. Не просто винтиком, а смазкой, без которой весь этот ржавый механизм Козлова заклинит окончательно. Он стал тем голосом разума (и лжи), который объяснял миру, почему очередная катастрофа — это на самом деле «многоходовочка». Стать главным адвокатом этого уходящего мира.

Это был идеальный камуфляж, плащ-невидимка. Кто заподозрит в главном пропагандисте старого режима — его могильщика? Кто разглядит революционера в том, кто с телеэкранов с пеной у рта защищает каждую папку Козлова?

Он решил не ломать систему. Он решил её **перехватить**. Возглавить процесс разложения изнутри, чтобы в нужный, выверенный до секунды момент, перехватить управление штурвалом и предложить единственно верное лекарство — тотальную Синхронизацию.

Он больше не мог ждать. Время тактики закончилось. Настало время стратегии. Его стратегии.

Он встал и подошёл к окну. Город внизу сиял огнями синтетического света — ровными, холодными. Это был идеальный порядок. Но это был чужой порядок.

Мир Козлова агонизировал. Настало время родиться миру Зелиновского.

Глава 5. Бумажный Тигр

Виктор Сергеевич Козлов сидел в своём кабинете и смотрел на термос с чаем так, словно тот был предателем. Термос, в свою очередь, хранил стоическое молчание, поблёскивая хромированными боками. В кабинете стояла та особенная, звенящая тишина, которая бывает только в местах, где умирают надежды и рождаются отчёты.

Полгода назад, после той легендарной победы в переговорах (о которой в кулуарах до сих пор слагали легенды, а в нейросетях — мемы), Козлов чувствовал себя титаном. Он показал инопланетянам, почём фунт лиха и где раки зимуют. Он думал, что это была битва. Он ошибался. Это была всего лишь разведка боем.

Пришельцы, эти хитиновые и студенистые стратеги, отступили не потому, что испугались его папок. Они просто сменили тактику. Они поняли: этого человека нельзя победить силой. Его можно только **заболтать до смерти**.

Вместо громогласных ультиматумов и бряцания оружием началась война, к которой Козлов не был готов. Это была **«Дипломатия Большой Папки»**.

Это началось незаметно. Сначала в приёмной стало больше курьеров. Потом — курьеров в странной униформе, похожей на помесь скафандра и делового костюма. А затем начался потоп.

Инопланетные юристы — существа, чей внешний вид представлял собой биологический оксюморон (гибрид глубоководного кальмара и офисного МФУ), — забросали земной МИД таким объёмом документации, что серверы министерства начали перегреваться и требовать принудительного охлаждения квантовыми вентиляторами. Это был не штурм крепости, а методичное засыпание рва кипами бумаги.

В кабинет Козлова папки теперь доставляли не на тележках, а на антигравитационных платформах. Они парили в воздухе, словно стая хищных белых птиц, и складывались в штабеля, грозившие похоронить президента под горой макулатуры.

— Виктор Сергеевич, — голос секретаря в интеркоме звучал обречённо, — к вам делегация от Ханзахании по вопросу гармонизации протоколов безопасности с учётом ретроспективного анализа квази-вероятностных моделей. — Пусть оставят в приёмной, — буркнул Козлов, не отрывая взгляда от монитора. — Они уже оставили. Семьдесят три тома. И требуют немедленного согласования по форме 12-У/Е.

Козлов вздохнул и потёр переносицу. Он сопротивлялся по привычке, как старый тигр, который уже не может охотиться на быков, но всё ещё пытается отогнать мух хвостом. Он требовал перевода всех документов на старославянский (зная, что у инопланетян нет лингвистических алгоритмов для этого диалекта). Он создавал комиссии по проверке деятельности комиссий. Он инициировал общественные слушания в виртуальной реальности «Симулятор Очереди», куда заходили только боты-спамеры.

Но пришельцы были терпеливее вечной мерзлоты и бюрократичнее самого Козлова. Они присылали «дополнительные материалы». Они просили «уточнить формулировку пункта 4.2 (прим.)». Они играли на его поле и по его правилам, но у них было бесконечное количество ресурсов и времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.